

И.А. Виноградов (Москва, Россия)

«Лишние люди» русской литературы: новое в школьной теме¹

Аннотация: Предлагается новый подход в изучении хрестоматийной, «школьной» темы «лишних людей» в русской литературе. Главным материалом в переосмыслении этой темы служит творчество Н.В. Гоголя. Традиционно в исследовательской литературе среди многочисленных писательских заслуг Гоголя подчеркивается важный вклад, который он внес, вслед за А.С. Пушкиным, в развитие темы «маленького», обездоленного человека. Однако идеологические препоны отвели внимание критиков и последующих исследователей от того обстоятельства, что тема «маленького человека» является в творчестве Гоголя лишь одной из составных частей куда более широкой темы «лишнего», оппозиционного человека – одного из представителей обширной гоголевской галереи «мертвых душ». Тем самым в истории русской литературы было пропущено чрезвычайно важное звено. Хотя сам термин «лишний человек» появился позднее (Гоголь называл этот тип «огорченным человеком»), однако, как свидетельствует содержание гоголевского творчества, эта тема для писателя, без преувеличения, одна из самых «узловых» и центральных. Согласно гоголевскому взгляду, решение проблемы «лишнего человека» заключается не в изменении политической системы общества, но в духовном и профессиональном возрастании каждого его члена.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, биография, творчество, интерпретация, герменевтика, автобиографизм, типология героя, «лишние люди», полемика, общественная идеология, духовное наследие

I.A. Vinogradov (Moscow, Russia)

“Superfluous Men” of Russian Literature: New in the School Topic

Abstract: A new approach to the study of the reader’s, “school” topic of “superfluous men” in Russian literature is proposed. The principle material in rethinking this topic is the work of Nikolay Gogol. Traditionally, in the research studies, Gogol’s numerous writer’s merits underline the important contribution that he made, following Alexander Pushkin, to the development of the theme of the “little”, destitute person. However, ideo-

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Творческое наследие Н.В. Гоголя: история и современность. К 210-летию со дня рождения» (МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2019 г.).

logical obstacles diverted the attention of critics and subsequent researchers from the fact that the theme of the “little man” in Gogol’s work is the only one of the constituent parts of the much wider theme of the “superfluous” oppositional man – one of representatives of the extensive Gogol’s gallery of “dead souls”. Thus, an extremely important link was missed in the history of Russian literature. Although the term “superfluous man” itself appeared later (Gogol himself called this type “an aggrieved person”), however, as the very content of Gogol’s creativity testifies, this theme for the writer is, without exaggeration, one of the most “central” and key ones. According to Gogol’s point of view, the solution to the problem of a “superfluous man” is not to change the political system of society, but the spiritual and professional growth of each of its members.

Key words: Nikolay Gogol, Alexander Pushkin, Vissarion Belinsky, biography, creativity, interpretation, hermeneutics, autobiographic approach, hero typology, “superfluous men”, controversy, social ideology, spiritual heritage

Хрестоматийная, традиционная для школьных сочинений тема «лишних людей» в нашей литературе уже не одно десятилетие пребывает в застое. Важность и самый масштаб ее переоценить трудно. С ней связана целая плеяда знаковых литературных образов нашей словесности: пушкинские Алеко и Онегин, лермонтовский Печорин, «новые люди» Н.Г. Чернышевского, «подпольный человек» Ф.М. Достоевского, герои А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова. Между тем по давней традиции эта тема рассматривается крайне односторонне. Никаких новых шагов в изучении этого немаловажного вопроса не предпринимается.

В основе ставшего вполне рутинным подхода в освещении темы «лишнего человека» лежит давнее высказывание В.Г. Белинского о Евгении Онегине как «эгоисте поневоле» – человеке, якобы ограниченном в своем развитии отсутствием достойного поприща¹. Именно апологетическое истолкование Белинским онегинского «эгоизма» (как вынужденного) стало на целые полтора столетия главным оправданием так называемых «лишних людей» – якобы незаурядных талантов, лишенных возможности реализовать себя в «удушающей» обстановке «николаевского времени».

Наибольшую остроту обсуждение проблемы «лишнего человека» приобрело к концу XIX в. Ожесточенные споры в предреволюционные годы о «лишних людях» стали, по сути, спором об исторической России и самой возможности ее существования. В этих словесных баталиях (Ф.М. Достоевского с А.Д. Градовским, Ю.Н. Говорухи-Отрока с В.В. Розановым) впервые обнаружилось и решающее значение наследия Гоголя в осмыслении проблемы «лишнего человека».

Несмотря на резонные возражения, на голоса в защиту традиционного русского государственного уклада, «старая» Россия после 1917 г. была окончательно обвинена и приговорена, а якобы «страдавший» при «царском режиме» «лишний человек» – безусловно оправдан. Гоголевские произведения при этом были однозначно записаны «в пользу» «лишних людей» – как «сатира», обличающая и осуждающая историческую, самодержавную Россию. Естественно, что о гоголевском критическом отношении к радикализму говорить в то время не приходилось. Радикальная критика предпочитала попросту не замечать, что существует и

¹ См.: *Белинский В.Г.* Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 455, 458–459.

собственно гоголевское решение проблемы «лишнего человека» – и что это решение прямо противоположно радикальным интерпретациям. Гоголь как участник в этом споре был решительно вычеркнут, так что и до сих пор участие писателя в полемике современников о «лишнем человеке» и для науки, и для школьного преподавания остается абсолютной *terra incognita*.

Между тем в гоголевском творчестве эта тема, без преувеличения, одна из самых «узловых» и центральных. Традиционно среди многочисленных писательских заслуг Гоголя подчеркивается важный вклад, который он внес, вслед за Пушкиным, в развитие темы «маленького», обездоленного человека. Однако идеологические препоны отвели внимание критиков от того обстоятельства, что тема «маленького человека» является в творчестве Гоголя лишь одной из составных частей куда более широкой темы «оппозиционного», «огорченного» человека – одного из представителей обширной гоголевской галереи «мертвых душ». Тем самым в истории русской литературы было пропущено чрезвычайно важное звено.

В гоголевский ряд «лишних людей» входят, конечно, и предатель Андрий Бульба в «Тарасе Бульбе», и бегущий в Америку капитан Копейкин в «Мертвых душах». Но наиболее яркий образ в этом ряду – герой еще одного всем известного гоголевского произведения, «Записок сумасшедшего». Это тоже вполне «огорченный»¹, «лишний человек», неспособный достойно реализовать себя в отечестве. Бунтующий герой «Записок сумасшедшего» носит многозначительную фамилию Поприщин, однако мечтает он не о «законном поприще», на котором может «сослужить службу» «земле своей» (VI: 37, 224, 241), а о дочери начальника (подобно грезящему о панночке Андрию), заполняет свой досуг посещением театров, гуляний, любовными стишками, а еще более – лежанием на кровати. По замыслу автора, он являет собой результат *собственного* нежелания возражать в назначенном служении. В статье «Страхи и ужасы России» Гоголь писал: «Служить <...> теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» (VI: 131). Вопреки этому убеждению, Поприщин предпочитает оставаться «вечным титулярным советником» (III–IV: 117) – чиновником, «очинивающим перья для его превосходительства» (III–IV: 158). Несмотря на все свое тщеславие, доводящее его до «вольнодумных» мыслей о собственном «королевском» величии, герой не предпринимает ровно ничего для того, чтобы перейти хотя бы на следующую ступень служебной лестницы. Избегает он этого потому, что по существовавшим с 1809 г. правилам для получения следующего чина (коллежского асессора) требовалось посещение лекций и сдача университетского экзамена². (Предшествующие званию титулярного советника чины шли «сами по себе», давались за выслугу лет.) Эту тему Гоголь не раз поднимал в своих повестях. В своих произведениях он изобразил еще несколько «бедных», «вечных титулярных советников», заслуживающих одновременно и сострадания, и порицания. Это и демонический мститель Башмачкин в «Шинели», и равный ему по чину упомянутый мститель-«атаман» капитан Копейкин (армейский чин капитана точно соответствовал гражданскому чину титулярного советника). Прямая «копия» «крадущего шинели» «переписчи-

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 5. М.; Киев, 2009. С. 262. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

² 1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассесоры и Статские Советники // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. <1 собр.>. СПб., 1830. Т. 30. С. 1054–1057.

ка» Башмачкина – замешанный в «неразумном деле» столь же незначительный «переписчик» Тентетников из второго тома «Мертвых душ».

В 1834 г. – в год создания «Записок сумасшедшего» – с целью привлечь многочисленных титулярных советников, «поприщинных» и «башмачкиных», к повышению образовательного уровня (и социального статуса) новый министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров издал специальный указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников»¹. «Беспристрастное испытание <...> чиновников, требующих назначенным Указом 6 августа 1809 года аттестатов, – писал Уваров, – есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств». Об этом Гоголь узнавал из первых номеров «Журнала Министерства народного просвещения» 1834 г. (X: 238–239). В первом номере этого журнала Гоголь, в частности, прочел о том, что в 1832/33 учебном году из подвергавшихся испытанию чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека² – на весь Петербург! Не хотели учиться «поприщины» и «башмачкины». Предпочитали быть «лишними людьми», мечтать о «королевском» – «наполеоновском» – достоинстве, вынашивая бунты и революции против существующих порядков.

П.А. Столыпин писал: «...Я знаю русского революционера, благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства – взамен длинного и торного пути воспитания ума и воли – одним скачком... с бомбою в руках по направлению к власти!»³

М.О. Гершензон отмечал: «...Между нами почти нет здоровых людей, <...> все недовольны, <...> озлоблены... <...>. То совпадение профессии с врожденными свойствами личности, которое делает работу плодотворной и дает удовлетворение человеку, для нас невозможно <...>; и стоят люди на самых святых местах, проклиная каждый свое постылое место, и работают нехотя, кое-как»⁴.

Мариэтта Шагинян, в свою очередь, свидетельствовала: «...Мы выросли плотью от плоти русской интеллигенции, когда “приносить пользу обществу”, работая в учреждении, считалось позорным концом “Обыкновенной истории” Гончарова»⁵.

Трудно во все времена было всем. И легче всего было списать все трудности на плохое правительство. Но «правительство состоит из нас же; мы выслуживаемся и составляем правительство», – писал Гоголь Белинскому (XIV: 386).

Трудно было начинать свой жизненный путь, осуществлять самого себя, свое единственное призвание и самому Гоголю. Именно поэтому судьба «огорченных людей» и сама проблема «оппозиционности» «лишнего человека» занимала его еще со школьной скамьи. Слабовольного «маленького человека», ропщущего на свой незавидный удел и на обманувший его надежды «ненавистный» свет (VII: 44), он вывел еще в 1827 г. в юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен». В этой

¹ 1834. Генваря 23. О допущении к слушанию Университетских лекций служащих и не служащих Чиновников // Журнал Министерства народного Просвещения. 1834. № 4. С. XVII.

² <Бутырский Н.И.> Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университете с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании Университета Ординарным Профессором оного Бутырским // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 48.

³ Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. С. 82.

⁴ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 93.

⁵ Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М.: Советский писатель, 1982. С. 52.

поэме Гоголь противопоставил исполненного «могучих сил» идеального, «Небом избранного» деятеля рядовому обывателю, не имеющему достаточных сил и талантов, но тем не менее предающемуся честолюбивым мечтам. Таким представителем «слабых» мечтателей является главный герой поэмы Ганц Кюхельгартен, который тщеславно, «не по праву» соблазняется лучшей участью. Во избежание огорчений и ропота, Гоголь назначает герою более доступное поприще: «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» (VII: 45–46, 49).

Несомненен автобиографический характер этих литературных образов юного Гоголя. В год создания «Ганца Кюхельгартена» он писал своему двоюродному дяде: «Еще с самых времен прошлых <...> я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства... <...>. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние» (X: 74).

Как известно, в Петербург Гоголь приехал с чрезвычайно широкими (и смутными) планами о благородном труде на благо Отечества. Однако ему предстояло начать свою деятельность с низших ступеней чиновничьей лестницы. Это очень болезненно отразилось на его юношеском честолюбии. Еще более страх «не означить своего существования» в мире (X: 74), самому оказаться пресловутым «лишним человеком» был подхлестнут в Петербурге неудачей с его первым литературным произведением – тем самым «Ганцом Кюхельгартеном». Опубликованная летом 1829 г. под псевдонимом поэма получила в журналах уничижительные рецензии, и Гоголь, купив имевшиеся у книгопродавцев экземпляры, сжег их. Можно представить, как к честолюбивым желанием юноши после случившейся с ним литературной неудачи с необходимостью присоединяется ужас от возможного превращения в обыкновенного и даже ничтожного чиновника – в Акакия Акакиевича Башмачкина из будущей «Шинели» (эта повесть полна переключек с ранними письмам Гоголя из Петербурга). Отсюда в полную силу вступает начатое Гоголем еще в школьные годы преодоление себя, восхождение по духовной «лестнице». Когда нахлынувшие страхи немного улеглись, Гоголь пишет матери, что Бог указал ему особый путь, чтобы он мог «воспитать свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности»: «...Чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеять (sic!) благо и работать на пользу мира» (X: 110).

Еще со школьных лет Гоголь критически относился и к прельщавшим современников «байроническим» чертам одного из первых «лишних людей» в русской литературе Евгения Онегина – героя, сочетающего в себе, подобно английскому прототипу, «гениальную» избранность и разочарованную оппозиционность. Как уже говорилось, Белинский истолковывал «эгоистический» характер пушкинского героя исключительно апологетически: во всем, мол, виновата среда. Но Гоголь еще в 1828 г., будучи в школе, с одобрением прочел в «Московском вестнике» первую печатную работу будущего славянофила Ивана Киреевского, статью «Нечто о характере поэзии Пушкина». В этой статье Онегину был вынесен приговор как «существу совершенно обыкновенному и ничтожному»¹.

В оценке выведенного Пушкиным типа Гоголь был вполне единодушен с Киреевским. «Увлекательные» черты Онегина, чрезвычайно искусно изображенные гением Пушкина, но отнюдь *не достойные* подражания (в мастерстве Гоголь не

¹ <Киреевский И.В.> 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 191–192.

допускал и тени критики пушкинской поэмы), Гоголь впоследствии кардинально переосмыслил и переименовал в образе «пустейшего, ничтожнейшего мальчишки» Хлестакова в «Ревизоре» (целый ряд реплик этого героя прямо отсылают нас к тексту «Евгения Онегина»¹).

Словом, проблема «лишних», «огорченных людей» предстает в творчестве Гоголя как одно из многочисленных преломлений темы «мертвых душ» – «мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей» (III–IV: 469). С самых первых своих произведений Гоголь, поднимая тему «маленького человека», выступает с обличением «пошлых», мелких «бунтарей», находящихся в непрекращающейся «ссоре» между собой и с миром, – «духовных недорослей», небрегающих об умножении своих талантов и не помышляющих, – как следовало бы, согласно чтимому Гоголем Иоанну Лествичнику, – о восхождении по «лестнице» добродетелей, до Господня «возраста».

В свое время святитель Игнатий (Брянчанинов) вопрошал: «В Онегине Пушкина и Печорине Лермонтова изображен эгоист, современный каждому из двух поэтов. Взглянувшие в это зеркало, узнавшие в нем себя, ощутили ли угрыzenie совести? Заронилась ли в их душу, как благословенное семя, мысль исправить-ся»². Гоголевское критическое отношение к «лишним людям» тоже определяется мыслью о духовном возрождении человека, связано с размышлениями о самом его призвании, о смысле жизни. На это же указывал, говоря о пушкинском Евгении Онегине, М.М. Дунаев: «Живущий в своем безвоздушном – бездуховном – пространстве Онегин начинает собою унылую вереницу героев, бредущих через всю русскую литературу, вплоть до настоящего времени. <...> ...Проблема связана с пониманием (утратой понимания) смысла жизни...»³

Еще более духовное осмысление Гоголем проблемы «лишних людей» уясняется из той задачи, которая была поставлена в 1830-х гг. перед русским обществом министром Уваровым. Как известно, в те годы в качестве основ народного образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Проводимый министром по инициативе Императора правительственный курс оказался глубоко созвучен современникам, в том числе Пушкину и Гоголю. Возобладал начатый еще А.С. Шишковым курс национально ориентированной политики в области образования, в отличие от противоположной космополитической деятельности на ниве просвещения министров А.Н. Голицына и К.А. Ливена и тем более от «русского европейничанья» и русского вольтерьянства XVIII в. Для Гоголя этот поворот государственной политики органично «совпал» с его собственными, внутренними устремлениями как художника, придав им новую силу – «официальное» одобрение и поддержку. Поставленная Уваровым задача духовного единения и развития страны сразу напомнила Гоголю главные «болевы точки» отечественного прошлого и настоящего, обнажила те проблемы, которые предстояло решать, осуществляя эту общенациональную программу. Самыми важными задачами монарха Гоголь считал преодоление бесконечных ссор и нестроений,

¹ См.: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 300–312.

² <Игнатий (Брянчанинов), святитель>. Неизданные сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова) // Богословские труды. М., 1971. Т. 6. С. 233. См. также: *Игнатий Брянчанинов.* Посещение Валаамского монастыря. Иосиф, священная повесть, заимствованная из Книги Бытия. Из «Аскетических опытов» / Публикация и примеч. В. Афанасьева и В. Воропаева // Литературная учеба. 1991. Кн. 4. С. 131.

³ *Дунаев М.М.* Православие и русская литература: В 6 ч. 2-е изд., испр., доп. Ч. 1–2. М.: Христианская литература, 2001. С. 279.

а также всемерную поддержку духовного и профессионального возрастания его подопечных – и даже воспитание их святости. В позднейшей статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал: «Все события в нашем отечестве <...> видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах <...> вооружить каждого <...> высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку <...> воздвигнуть в себе <...> брань всему невежественному и темному, <...> чтобы <...> мог <...> один <...> устремить, как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» (VI: 46–47).

Широко известны слова Пушкина о герое «Кавказского пленника», что в нем он хотел изобразить «преждевременную старость души»¹, которая сделалась отличительной чертой молодежи XIX в. Сходное выражение употребил позднее в одной из своих статей известный поэт и критик, друг Пушкина и Гоголя, славянофил Степан Петрович Шевырев. Статья, написанная им в 1841 г., была посвящена только что появившемуся тогда роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». «Преждевременная старость души», изображенная впервые Пушкиным в «Кавказском пленнике», получила в интерпретации Шевырева определение «собачьей старости» – по народному названию детского заболевания, при котором больной становится похож на старую собаку (медицинское название болезни *прогерия*). Имея в виду Печорина, Шевырев писал: «...Что ж это за мертвец 25-летний, увядший прежде срока? Что за мальчик, покрытый морщинами старости? <...> Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости... <...>. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная – *скука* – вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. <...> Главный же корень всему злу – западное воспитание, чуждое всякого чувства веры»².

Парадоксально, но именно негативные черты созданных Пушкиным и Лермонтовым «байронических» типов стали в светском обществе предметом «культового» подражания. В 1880 г. Достоевский писал: «...Пушкин первый <...> отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества... <...>. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие... <...>. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаванием болезни нашей...»³

(Весьма проницательно Достоевский в число «лишних людей» включил, наряду с другими, главного героя «Мертвых душ» – Чичикова. Это вполне отвечает пониманию сути этого героя самим Гоголем. Не случайно упомянутый совет, который получает от автора «огорченный», «лишний» человек самой ранней гоголевской поэмы, Ганц Кюхельгартен: «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» (VII: 45–46, 49), – Гоголь дает также во втором томе «Мертвых душ» устами Муразова потерпевшему крушение своих надежд на роскошную жизнь Чичикову: «Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям; <...> женитесь на небогатой доброй девушке, привыкшей к умеренности... <...>. Забудьте этот шумный мир и все его обольстительные прихоти... <...> ...Все в нем враг, искуситель или предатель»; V: 356.)

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1937. С. 52.

² Шевырев С. Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 527–529, 532.

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 129–130.

Вслед за Пушкиным и одновременно с Шевыревым свой диагноз болезни «лишних людей» составил и Гоголь. Причем эту болезнь писатель наблюдал не только в убежденных западниках, но порой и в своих близких друзьях-славянофилах. Так, по поводу увлечения Константина Аксакова немецкой схоластикой Гоголь, в частности, замечал: «Черты ребячества и черты *собачьей старости* будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» (XII: 545).

Возможно, Гоголю было известно определение Шевыревым лермонтовского Печорина как больного, страдающего «собачьей старостью». Однако Гоголь, вынося тот же приговор «немецкому» философствованию Аксакова, обнаружил прямую связь этого народного выражения с образом еще одного из собственных произведений (которое уже было написано до времени выхода в свет статьи Шевырева), – с героем первого тома «Мертвых душ». Понятие «собачьей старости» вполне применимо к одному из главных образов гоголевской поэмы помещику Плюшкину, и именно как характерная черта западного влияния. «Ключевой» составляющей в образе Плюшкина является его комната, заваленная хламом. Позднее по поводу разносчика, «забросавшего комнату товарами», Гоголь сказал: «Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать»¹. Сходным образом в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он писал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» (VI: 195). Известно, что изображение плюшкинской «собачьей старости» прямо обращено как предупреждение к вступающему в свет юноше: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет, <...> все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» (V: 124). Как бы подытоживая эти размышления, Гоголь писал позднее в статье «Христианин идет вперед»: «...Пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. <...> ...У них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности...» (VI: 54).

Тема духовного закоснения, преждевременной, противоестественной старости является ключевой не только для образов Плюшкина и Башмачкина. В герое «Записок сумасшедшего» проблема чиновника, пребывающего в чине «вечного титулярного советника», также изображается в свете христианского учения о спасении. Размышляя о Поприщине, автор прослеживает, как стремление «возвеличить» себя перед окружающими и оправдаться перед собственным сознанием своей ничтожности приводит опутанного страстями человека к безумному самоотожествлению с великими историческими личностями, царями и полководцами: Наполеонами, Александрами Македонскими, испанскими королями и пр. Это «величие» в страстях подменяет собой в душе героя его подлинное достоинство – то полноценное значение личности, которое только и придает человеку истинное величие: оно уподобляет его не просто великим людям, но Самому Богу. Это сближение христианина с Самим Спасителем, «подражание Христу», совершается только на поприще самоотвержения, смирения и мученичества ради завещанных Христом заповедей – так, как это происходит в самоотверженном служении гоголевских героических запорожцев. Но мнимое подвижничество, совершаемое

¹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. Т. 6. М., 2018. С. 556.

ради удовлетворения своих страстей, *крест миролюбцев*, взятый на себя, вместо креста Христова, «сумасшедшим мучеником» Поприщиным (первоначально гоголевская повесть так и называлась – «Записки сумасшедшего мученика»)¹, есть измена человека его высокому призванию. Мучительная тоска героя по своему настоящему, оставленному им поприщу – христианскому жертвенному подвигу служения России – и звучит в финале гоголевской повести. Подобно тому как в «мертвой душе» Плюшкина возникает на миг «какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего» (V: 123), так в заключительной дневниковой записи сумасшедшего Поприщина вдруг прорываются подлинная любовь к родине и молитвенное обращение к матери: «...Струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдаль? <...> Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку!..» (III–IV: 176). Однако последнее воззвание утопающего о спасении раздается слишком поздно и заканчиваются ничем: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (III–IV: 176). Не только в образах Плюшкина и Башмачкина, но и в образе Поприщина Гоголь словно восклицает: «Забирайте <...> с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет, <...> все человеческие движения, <...> не подымете потом!» (V: 124).

Круг «лишних людей», изображенных Гоголем, весьма широк, он не замыкается только Поприщиным, Башмачкиным, Копейкиным... И критика Гоголя в адрес «лишнего человека» может быть не только сострадательна, но и весьма строга. В частности, в круг «ненужных» и «лишних», несомненно, входят, вслед за Чичиковым, и герои гоголевских «Игроков». Так, прямо к лермонтовскому «Герою нашего времени», к рассказу о краже «повесой» Азаматом своей сестры Бэлы для Печорина, отсылают реплики шулеров в этой комедии: «...А хороша сестра твоя? <...> ...А помог бы ты мне, если бы я захотел ее увезти? – Почему ж? помог бы. – Bravo, гусар!..» (III–IV: 390). Гоголь прочел «Героя нашего времени» весной 1840 г., т. е. задолго до окончания работы над комедией. Указанная реминисценция вряд ли случайна. «Занятия» и образ жизни игроков тоже характеризуют их как вполне «лишних людей», грезящих, вместо труда и общепольной деятельности, о праздной жизни и легкой поживе. С презрением относясь к любой из возможных профессий и должностей: чиновника, помещика, промышленника, – уподобляясь в этом героине «Невского проспекта», заявляющей, что она «не прачка и не швея» (III–IV: 27), герой «Игроков», шулер Ихарев, рассуждает: «Какое имение, какая фабрика даст двести тысяч? <...> ...Хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился с старостами да мужиками...» (III–IV: 401). Так же, как Поприщин, каждый из героев комедии, пренебрегая духовным возрастанием и профессиональным ростом, – всем тем, что «для иного век службы, трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья» (как об этом презрительно отзывается Ихарев; III–IV: 400), – каждый из игроков, подменяя исполнение своего долга обманом и мошенничеством, тоже мечтает оказаться в итоге не иначе как «испанским королем» или «владельцем принцем». С одной стороны, образование, заботы, труды, – «а тут в несколько часов, в несколько минут – владетельный принц!» – восклицает по этому поводу Ихарев (III–IV: 400). Смысл жизни «лишнего человека» получает в устах этого героя формулировку вполне преступную: «...Обмануть

¹ Виноградов И.А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. С. 33–41.

всех и не быть обмануто самому – вот настоящая задача и цель!» (III–IV: 401). Очевидно, что и гоголевские «Игроки» – это тоже ответ Гоголя на показательные «страдания» лишних людей от их никчемности, прямая полемика с мнимой «правдой» «лишнего человека» Печорина.

Подводя итог, можно сделать вывод, что мы имеем дело с особым, не замеченным, проигнорированным современниками взглядом Гоголя на проблему «маленького человека». По Гоголю, вина за то, что этот человек «маленький», «лишний», лежит не только на окружающих, но и на нем самом. Гоголь «дерзнул» спросить и с «незначительного», рядового человека: как он исполняет свой долг? как блюдет свою должность? – иначе говоря, как «обыкновенный» человек «отрабатывает» данный ему Богом талант, пусть даже этот талант у него единственный.

Этот христиански сострадательный и одновременно требовательный взгляд на человека, так и не поднявшегося до уровня дарованных ему талантов, Гоголь высказывал подчас неожиданно. Так, однажды кто-то при нем наступил на лапку болонке, и она завизжала. На это писатель не столько в шутку, сколько всерьез, с исполненным глубокого смысла юмором, заметил: «А не хорошо быть малым!»¹ В одной фразе Гоголь заключил урок для всех: Бог дал тебе таланты – расти, станешь большим, не будь маленьким!

Что, в самом деле, представляет собой «маленький», «ничтожный» – и далеко не молодой – герой «Шинели»? Сам Гоголь в повести отвечает: Акакий Акакиевич Башмачкин – это художник и, может быть, даже Художник с большой буквы. «Вечным титулярным советником» он сделал себя сам. При переписывании бумаг, замечает о Башмачкине рассказчик, «наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и посмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» (III–IV: 119). Это описание прямо напоминает «ухватки» другого героя «петербургских» повестей Гоголя – погруженного в работу вдохновенного художника, изображенного в «Портрете»: «Чертков <...> позабыл даже, что находится в присутствии аристократических дам, начал даже выказывать иногда кое-какие художнические ухватки, произнося вслух разные звуки, временами подпевая, как случается с художником, погруженным всюю душою в свое дело» (III–IV: 84–85).

На это же высокое, «художническое» начало в занятиях Акакия Акакиевича указывает и сходство его обыкновенного поведения с сосредоточенной отрешенностью от мира другого гоголевского художника, выведенного в «Невском проспекте»: «Он никогда не глядит вам прямо в глаза; если же глядит, то как-то мутно, неопределенно <...> он в одно и то же время видит и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсового Геркулеса <...>, или ему представляется его же собственная картина, которую он еще думает произвести» (III–IV: 14). Сходное замечание встречается в описании ничтожного Башмачкина: «... Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки...» (III–IV: 120).

Сходство погруженного в свое дело Башмачкина с петербургскими художниками этим не ограничивается. Далее в «Портрете» Гоголь описывает постепенное падение художника, погубившего свой талант. Это в свою очередь перекликается с «художническими» чертами образа Башмачкина. Напомним, как «один директор, будучи добрый человек», приказал дать однажды Акакию Акакиевичу «что-ни-

¹ *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 556.

будь поважнее, чем обыкновенное переписыванье»: «дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье» (III–IV: 120). Однако это «задало» Башмачкину такую работу, «что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: “Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь”». Речь здесь, очевидно, идет о тех же самых «границах и оковах», в которых оказался оказался загублен и талант художника Чарткова в «Портрете», заключенный в рутинных, лишенных внутреннего содержания формах: «Кисть его хладела и тупела, и он нечувствительно заключился в однообразные, определенные, давно изношенные формы» (III–IV: 91). Предпринятая впоследствии попытка Чарткова написать настоящую картину определенно перекликается с поручением Акакию Акакиевичу «доброе» директора выполнить работу «поважнее». И в этой попытке Чарткова, как и Акакия Акакиевича, постигает неудача: «...Фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. <...> ...Бессильный порыв преступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, <...> отзывался неправильностью и ошибкою» (III–IV: 95).

Подобно Константину Аксакову, губящему свой талант в немецкой схоластике, так же, согласно Гоголю, губит, погребает свой талант в бесцельной «немецкой» бюрократической переписке, в «им самим на себя наброшенных» оковах Акакий Акакиевич Башмачкин. Как писал в 1882 г. по поводу образа Акакия Акакиевича историк Н.Я. Аристов, «мелкое чиновничество тянулось за крупным и подражало ему во всем»: «...Созданное искусственно на бюрократический немецкий лад, оно размножало класс нищих в Петербурге, как прекрасно изображено в повести “Шинель”»¹.

Позднейшее суждение Гоголя о подверженности западному развращающему влиянию как «собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи одной из его одесских знакомых: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости»². По-видимому, это окончательный приговор Гоголя тому слепому подражанию западному, «старящему» образу жизни, каким было заражено юное «онегинское» русское общество XIX в.

Отсюда же следует вывод, применимый ко всему гоголевскому творчеству. Все стремления Гоголя как писателя, пафос всех его произведений направлены не к изменению политической системы общества в угоду требованиям «лишнего», «огорченного» человека, духовного «недоросля», с бомбою в руках, не желающего приносить пользу обществу, гибнущего от собственного нерадения, но обращены к жизни каждого христианина по христианским заповедям. Сама же проблема «лишнего человека» решается просто – духовным и профессиональным возрастанием личности.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов Н.Я. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Аристов Н.Я. Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 67–148.

Белинский В. Г. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине 1843–1846. М.: АН СССР, 1955. С. 431–472.

¹ Аристов Н.Я. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Аристов Н.Я. Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 96.

² Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 580.

Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. Т. 6. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 656 с.

Виноградов И.А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. 320 с.

Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 74–100.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 520 с.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. 2-е изд., испр., доп. Ч. 1–2. М.: Христианская литература, 2001. 736 с.

<Игнатий (Брянчанинов), святой>. Неизданные сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова) // Богословские труды. М., 1971. Т. 6. С. 232–234.

Игнатий Брянчанинов. Посещение Валаамского монастыря. Иосиф, священная повесть, заимствованная из Книги Бытия. Из «Аскетических опытов» / Публикация и примеч. В. Афанасьева и В. Воропаева // Литературная учеба. 1991. Кн. 4. С. 119–156.

<Киреевский И.В.> 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 171–196.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1937. 651 с.

Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М.: Советский писатель, 1982. 560 с.

Шевырев С. Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 515–538.

Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. 361 с.

REFERENCES

Aristov N.Ya. Foreign Influence in Russia, Depicted by Gogol in His Writings. In: Aristov N.Ya. Works by N.V. Gogol in the Field of Russian Studies. St.-Petersburg. 1887, pp. 67–148.

Belinsky V.G. Article Eight. “Eugene Onegin”. In: Belinsky V.G. The Complete Works: In 13 vols. Vol. 7: Articles and Reviews 1843. Articles about Pushkin 1843–1846. Moscow. USSR Academy of Sciences Press. 1955, pp. 431–472.

Vinogradov I.A. (2000) Gogol – the Artist and Thinker: The Christian Foundations of the Worldview. Moscow. Gorky Institute of World Literature, RAS, Nasledie. 448 p.

Vinogradov I.A. The Chronicle of the Life and Work of N.V. Gogol (1809–1852). Research Edition: In 7 vols. Vol. 6. Moscow Gorky Institute of World Literature, RAS. 2018. 656 p.

Vinogradov I.A. (2018) Passion for Gogol. On the Spiritual Heritage of the Writer. Popular Research Edition. Moscow. Veche Publ. 320 p.

Gershenzon M. O. Creative Self-Consciousness. In: Vekhi: Collection of Articles about the Russian Intelligentsia. Moscow. 1909, pp. 74–100.

Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. / Comp., prepar. of the texts, comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev. Moscow Patriarchate Publishing House. 2009–2010.

Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 26. Leningrad. Nauka Publ. 1984. 520 p.

Dunaev M.M. (2001) Orthodoxy and Russian Literature: In 6 parts. 2nd ed., rev., ext. Part 1–2. Moscow. Khristianskaya Literatura Publ. 736 p.

Ignatius (Bryanchaninov), svyatitel. Unpublished Writings of the Bishop Ignatius (Bryanchaninov). In: Theological Works. Vol. 6. Moscow. 1971, pp. 232–234.

Ignatius Bryanchaninov. A Visit to the Valaam Monastery. Joseph, A Sacred Tale Borrowed From the Book of Genesis. From “Ascetic Experience” / Publication and Footnotes by V. Afanasyev and V. Voropaev. *Literatutnaya Ucheba*. 1991. Book 4, pp. 119–156.

Kireevsky I. V. Something about the Nature of Pushkin’s Poetry. *Moskovsky Vestnik*. 1828. Part 8. No 6, pp. 171–196.

Pushkin A.S. The Complete Works: In 16 vols. <Without place of ed.> Vol. 13. USSR Academy of Sciences Press. 1937. 651 p.

Shaginyan M.S. (1982) Man and Time. The History of Human Formation. Moscow. Sovetsky Pisatel. 560 p.

Shevyrev S.A. The Hero of Our Time. *Moskvityanin*. 1841. Part 1. No 2, pp. 515–538.

Schwartz A.N. (1994) My Correspondence with Stolypin. My Memories of the Sovereign. Moscow. The Greek-Latin Cabinet of Yu.A. Shichalin Publ. 361 p.

Сведения об авторе:

Игорь Алексеевич Виноградов,
доктор филол. наук
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы имени
А.М. Горького, РАН

Igor A. Vinogradov,
Doctor of Philology
Chief Researcher
Moscow Gorky Institute of World Literature, RAS

info@imli.ru